

ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ,

Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

1792—1866.

Подлинныя записки почетнаго лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова († 1866 г.) весьма обязательно сообщены намъ сыномъ покойнаго, Александромъ Дмитриевичемъ Тарасовымъ, которому мы свидѣтельствуемъ глубочайшую нашу признательность. Онѣ занимаютъ объемистую тетрадь, въ листъ, въ 356 страницъ мелкаго, весьма четкаго и убористаго письма, руки самаго Д. К.

Не предназначая „признанія“ своей жизни для печати, составитель записокъ далъ въ нихъ много мѣста подробностямъ чисто личнымъ, интереснымъ для него самого и для его близкихъ, а при воспоминаніяхъ о многочисленныхъ своихъ путешествіяхъ, въ свитѣ императора Александра Павловича, Д. К. Тарасовъ очень часто вдается въ описанія видѣнныхъ городовъ и мѣстностей; все это не имѣетъ общаго интереса, а потому почтеннымъ сыномъ покойнаго составителя записокъ всѣ таковыя подробности, по возможности, оставлены лишь въ рукописи; въ настоящее же изданіе введены только тѣ мѣста „Воспоминаній“ Тарасова, которыя имѣютъ либо историческое значеніе, либо знакомятъ съ нравами и бытомъ общества, гдѣ довелось вращаться автору, которому собственные умъ, трудъ и энергія проложили путь изъ дома бѣднаго священника къ общественному положенію весьма почетному и вполне обеспеченному.

Изложеніе записокъ — ясно, просто, безъ всякихъ вычурностей и претензій; что же касается до содержанія, то вначалѣ оно нѣсколько сухо, блѣдно и отрывочно, но чѣмъ далѣе, тѣмъ интересъ возрастаетъ. Императоръ Александръ Павловичъ и многіе изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, съ которыми Д. К. Тарасову доводилось бывать въ непрерывныхъ и многолѣтнихъ сношеніяхъ, довольно выпукло выдѣляются въ его „Воспоминаніяхъ“. Но особенно типично обрисованъ

имъ баронетъ Вилліе. Эта личность—весьма крупная въ исторіи русскаго медицинскаго міра—во многомъ отношеніи весьма интересная. Русское общество знаетъ громадныя матеріальныя пожертвованія, сдѣланныя баронетомъ Вилліе на преуспѣяніе медицины въ предѣлахъ его новаго отечества—Россіи; извѣстенъ памятникъ, воздвигнутый Вилліе въ послѣднее десятилѣтіе предъ с.-петербургскою медико-хирургическою академіею; при всемъ томъ мы совершенно незнаемъ Вилліе, какъ человѣка. Записки Д. К. Тарасова въ простомъ безыскусственномъ разсказѣ особенно ярко освѣщаютъ этаго замѣчательнаго дѣятеля.... Вообще эти записки въ небогатой литературѣ русскихъ мемуаровъ займутъ надлежащее имъ мѣсто. Въ заключеніе мы должны сказать, что сдѣлавъ, согласно желанію А. Д. Тарасова, значительные пропуски мѣстъ чисто семейнаго характера, мы, затѣмъ, не дозволили себѣ никакихъ измѣненій въ слогѣ записокъ его отца и лишь, для удобства чтенія, раздѣлили ихъ на главы.

Ред.

Жизнь всякаго человѣка обусловливается отношеніями двоюкаго рода: отношеніями частной его жизни и общественной. Оба эти рода отношеній имѣютъ свои особенности, на которыя, при закатѣ жизни, весьма поучительно и полезно каждому изъ насъ обращать вниманіе, и, при созрѣвшемъ уже разсудкѣ и покоѣ страстей, подвергать ихъ строгой цензурѣ благоразумія и чистой совѣсти.

Переступивъ за полвѣка моей жизни, въ спокойныя минуты и въ уединеніи, я считалъ наилучшимъ для себя упражненіемъ—погружаться, такъ сказать, въ самаго себя,—и, при довольно счастливой памяти своей, критически разсматривать всѣ обстоятельства и факты, сопровождавшіе всѣ возрасты и замѣчательныя эпохи моей жизни. Такая бесѣда съ самимъ собою всегда оканчивалась самымъ возвышеннымъ чувствомъ благоговѣнія и глубокой благодарности въ Промыслу Всевышняго. Чувство это всегда было для меня краеугольнымъ камнемъ, на которомъ я основывалъ лучшія надежды мои, и укрѣплялся духомъ и вѣрою, при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ и самыхъ несчастныхъ и лишеніяхъ, сильно потрясавшихъ духъ мой.

Оставляю признанія жизни моей дѣтямъ моимъ съ тою цѣлью, чтобъ они могли, въ свое время, почерпнуть изъ нихъ полезное и поучительное для ихъ собственной жизни. Да будутъ они для нихъ существеннымъ наслѣдіемъ отъ отца, который для

воспитанія и благосостоянія ихъ не щадили ничего, — полагая въ томъ все свое счастье!

I.

Родился я въ 1792 году съ 25-го на 26-е октября въ ночи. Родитель мой былъ священникомъ при бѣдной церкви въ селѣ Тарасовѣ, Рязанской губернии, а мать моя была изъ дворянскаго дому. По крайней ограниченности средствъ, приобретаемыхъ должностію при церкви, для содержанія семейства, отецъ мой занимался самъ земледѣліемъ и тѣмъ съ большею охотою, что особенно любилъ сельское хозяйство. Это составляло единственный способъ въ возможному содержанію большого его семейства. Какъ вѣрный служитель церкви, при его строгой и трудолюбивой жизни, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣренностію. Не имѣя ни способствъ, ни времени заниматься воспитаніемъ дѣтей, онъ вынужденъ былъ очень рано отдать меня (на 8-мъ году) въ рязанскую духовную семинарію. По недосугу отца, жившаго отъ Рязани въ 52 верстахъ, для поступленія въ семинарію я представленъ былъ роднымъ моимъ дядею, жившимъ въ самой Рязани. Ректоръ семинаріи архимандритъ Антоній, удрученный временемъ и сѣдой какъ лунъ, заставивъ меня прочитавъ нѣсколько строкъ изъ церковной книги, лежавшей въ то время у него въ кельи на столѣ, произнесъ мой приговоръ на вступленіе на учебное поприще, — и благословя меня, сказалъ, что я также сѣдъ какъ и онъ. Въ то время у меня, послѣ болѣзни, выросли новые волосы замѣчательной бѣлизны.

По вступленіи въ школу овладѣли мною самыя мрачныя мысли: — отчужденіе отъ родительскаго дома, лишеніе материнскаго попеченія и нѣжности, и особенно непріязненность школьныхъ товарищей повергали меня въ большое уныніе. Но къ счастью учитель скоро замѣтилъ меня, какъ кроткаго и исправнаго ученика, и ободрялъ меня своимъ вниманіемъ, которое возбуждало во мнѣ чувство соревнованія, такъ что я началъ приобретать охоту къ ученію. Наконецъ, мало по малу, я ознакомился съ школьною жизнью; товарищи сдѣлались во мнѣ благосклоннѣе и въ 3-мъ классѣ сдѣлавшись однимъ изъ лучшихъ учениковъ, во всѣхъ слѣдующихъ классахъ, до самаго окончанія курса, я постоянно былъ въ числѣ первыхъ. Не могу не сожалѣть о томъ, что при

довольно счастливомъ развитіи способностей, я почти вовсе не имѣлъ никакого руководителя, кромѣ общаго преподавателя въ классѣ. Въ курсѣ я былъ лѣтами моложе всѣхъ моихъ товарищей, такъ что на 18-мъ году я окончилъ полный семинарскій курсъ.

Но прежде окончанія курса, на первомъ году богословскаго класса, начальство поручило мнѣ преподаваніе въ начальномъ классѣ семинаріи (инфимѣ) съ тѣмъ, однакожь, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ я доканчивалъ богословскій курсъ наравнѣ съ товарищами. Такое назначеніе сдѣлано было мнѣ за отличные успѣхи въ наукахъ и поведеніи. Я ревностно принялся за учительскую должность, и, между тѣмъ, нимало не упустилъ и собственныхъ занятій по богословскому классу, такъ что на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи епархіальнаго архіепископа Теофилакта, члена св. синода, я оказался однимъ изъ первыхъ студентовъ богословія. Это былъ первый триумфъ мой на учебномъ поприщѣ.

Въ это время я удостоился особеннаго вниманія архіепископа, знаменитаго въ тогдашнее время изъ епархіальныхъ архіереевъ, а равно и ближайшихъ начальниковъ семинаріи. Здѣсь представилось мнѣ новое обстоятельство въ жизни моей.

Профессоръ, у коего я слушалъ курсъ философіи и греческій языкъ, предложилъ мнѣ руку единственной своей дочери и притомъ свое мѣсто священника при каедральномъ успенскомъ соборѣ. Съ позволенія отца моего, которой очень былъ этимъ обрадованъ, и по совѣту нѣкоторыхъ моихъ доброжелателей, я согласился на такое предложеніе, которое для духовнаго званія было довольно лестно. Доложено было объ этомъ архіепископу, которой однакожь принялъ это только къ соображенію, не давъ никакого разрѣшенія. Дней чрезъ 10 послѣ того, вдругъ нечаянно архіерей потребовалъ меня къ себѣ, и обласкавъ (меня) сказалъ:

«Тебя хотятъ женить и сдѣлать священникомъ; но ты такъ молодъ, что я на это не смѣю рѣшиться дать моего согласія. Жениться не опоздаешь еще и чрезъ пять лѣтъ; — а теперь для тебя нужны занятія. Я для тебя приготовилъ новыя должности: 1-е, ты будешь правителемъ дѣлъ семинарскаго правленія и комиссіи о построеніи новаго семинарскаго корпуса *), и 2-е, пре-

*) Въ это время, въ 1811-мъ году, по ходатайству преосвящ. Теофилакта, разрѣшено выстроить для рязанской семинаріи новый каменный корпусъ, за-

подавателемъ латинскаго и греческаго языковъ при семинаріи. Пои и скажи объ этомъ нареченному твоему тестю».

Такой нечаянный переворотъ не только не опечалилъ меня, но я съ полною ревностію принялся за новыя свои должности, особенно по письменной части, такъ что я приобрѣлъ вниманіе и довѣренность архіерея, которому впоследствии лично докладывалъ дѣла по семинаріи и строительной комиссіи.

Казалось, все благопріятствовало моей новой карьерѣ, которая въ виду всѣхъ была самая выгодная для меня. Между тѣмъ открылась отечественная война, Москва уже была занята французскими войсками и чувство патріотизма господствовало между всѣми. Архіепископъ Теофилактъ, какъ членъ сѹнода, по обстоятельствамъ, едвали отъ него зависѣвшимъ, вдругъ потерялъ свой вѣсъ въ Петербургѣ, — а съ тѣмъ вмѣстѣ и мои надежды на его покровительство ощутительно поколебались. Въ это самое время изъ дѣйствующей арміи прибылъ въ Рязань докторъ Воскресенскій, съ которымъ я имѣлъ случай коротко познакомиться. Мундиръ военный, владимірскій орденъ, а особенно образованіе доктора Воскресенскаго меня очень заинтересовали. Онъ полюбилъ меня, а равно и моего товарища и друга, также учителя, Василія Власовича Маркова, съ которымъ мы жили вмѣстѣ. Какъ опытный и дальновидный въ дѣлахъ жизни, докторъ Воскресенскій ясно и убѣдительно доказалъ намъ, что если мы не имѣемъ намѣренія поступить въ духовное званіе, то мы невозвратно теряемъ время оставаясь въ Рязани при нашихъ должностяхъ, которыя не могутъ намъ доставить существенныхъ выгодъ. — «А что же намъ дѣлать», спросили мы его? — «Вы еще такъ молоды, отвѣчалъ онъ: надобно ѣхать въ столицу учиться, и — въ вашемъ положеніи — всего бы лучше было учиться медицинѣ, если только вы не потеряли охоту учиться и не боитесь трудностей, неразлучныхъ съ этимъ почетнымъ званіемъ».

Товарищъ мой Марковъ въ тоже время увлекся этимъ совѣтомъ, а я колебался; ибо мое положеніе относительно было лучше его. Любя Маркова, какъ родного брата, за его основательный умъ и неизмѣнную дружбу, принялъ наконецъ и я совѣтъ доктора Воскресенскаго. Рѣшено и положено — идти учиться медицинѣ въ Москвѣ,

кѣтательный по размѣру и великолѣпію, для чего назначена архіереемъ особая строительная комиссіа.

Д Т.

15*

или въ Петербургѣ. Въ маѣ 1814 года архіепископъ Теофилактъ не согласился уволить насъ изъ духовнаго вѣдомства, что впрочемъ нисколько не измѣнило нашего твердаго намѣренія. Архіепископъ Теофилактъ, представлявшій намъ разныя выгоды при семинаріи, при отказѣ на первую просьбу нашу, въ ноябрѣ того-же года, на вторичную нашу просьбу, согласился, и благословивъ насъ архипастырски, сказалъ:

«Нынѣ я соглашаюсь на ваше желаніе и не могу неодобрить вашего намѣренія. Совѣтую вамъ посвятить себя медицинѣ; — этотъ путь болѣе вѣрный для васъ, и вѣрнѣе можетъ обезпечить вашу будущность».

Отецъ мой не могъ вѣрить, чтобъ я тогдашнее свое положеніе, которое онъ считалъ блистательнымъ, рѣшился перемѣнить на другое. Поэтому, когда мы съ Марковымъ приѣхали къ нему проститься и принять его благословеніе, — онъ былъ сраженъ нашею рѣшительностію перемѣнить наше положеніе на неизвѣстное. Наступило время прощанія. Отецъ мой, прочитавъ приличную къ тому молитву, благословилъ меня его родительскимъ образомъ, далъ мнѣ 10 р. ассигнаціею и рыдая, сказалъ:

«Прощай, мой любезный сынъ, да благословитъ Богъ твое намѣреніе; я остаюсь теперь одинъ съ прочими дѣтьми моими, и вѣрно уже не увижу тебя болѣе».

Эта трогательная сцена произвела на меня самое глубокое впечатлѣніе. Я вполнѣ почувствовалъ, что я, удаляясь съ родины въ неизвѣстный путь, оставляю отца, склоняющагося уже къ преклонности, осиротѣлымъ, — ибо онъ давно былъ вдовъ. Я, старшій изъ дѣтей, остался отъ матери 12-ти лѣтъ. При отцѣ, послѣ меня, оставались сестра и двое братьевъ. Внутренно я упрекалъ себя; — но рѣшительность Маркова и дружба его не дозволяли мнѣ измѣнять однажды принятаго намѣренія. Итакъ, я окончательно простился съ родиною и родительскимъ домомъ!...

II.

Оставивъ Рязань 1814 года, декабря 31 дня, ровно въ 12 часовъ ночи, — 1-го января 1815 года приѣхали мы поутру въ дорожномъ нашемъ экипажѣ въ гор. Зарайскъ къ отцу Маркова, который насъ ожидалъ. Почтенный старикъ очень былъ обрадованъ нашимъ приѣздомъ, и нисколько не сожалѣлъ о нашемъ рѣшеніи —

оставить родину. Напротивъ, сообщили намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Петербургѣ, заимствованныя имъ изъ рассказовъ нѣкоторыхъ купцовъ зарайскихъ, которые въ то время вели большую торговлю украинскимъ и черкасскимъ скотомъ въ столицахъ. Товарищъ и другъ мой Марковъ, не только не унывалъ оставляя Рязань и родину, но еще радовался, воодушевляясь лучшими надеждами; но я скучалъ и по временамъ погружался въ уныніе, не будучи увѣренъ въ лучшей для себя будущности, — а притомъ мнѣ очень жаль было отца, сосредоточивавшаго всѣ свои надежды во мнѣ одномъ; ибо сестра и братья мои были еще малы.

Мрачнаго моего расположенія духа не могъ не замѣтить отецъ Маркова, а особенно самъ Марковъ. — Мы пробыли въ въ Зарайскѣ нѣсколько дней; отецъ Маркова старался доставить намъ всевозможныя развлеченія. Всякой день собирались родные и знакомые въ домъ отца Маркова; одни изъ нихъ одобряли наше предпріятіе, другіе удивлялись нашей рѣшительности — пуститься въ такой отдаленный край, гдѣ нѣтъ у насъ даже и знакомыхъ, не только покровителей. Такія толкованія для меня были скучны, такъ что я просилъ Маркова, скорѣе оставить Зарайскъ и пуститься въ дальній нашъ путь.

Изъ Зарайска мы приѣхали ночевать въ Коломну, въ домъ протоіерея тамошняго собора, отца знаменитаго нынѣшняго московскаго митрополита Филарета, которой въ то время былъ архимандритомъ и ректоромъ духовной академіи въ Александро-Невской лаврѣ. Насъ приняли очень ласково; украшенный уже сѣдинами, почтенный и образованный протоіерей былъ родственникъ отцу Маркова. Сверхъ ласковаго приѣма, всѣ члены семейства старались намъ объяснить наше намѣреніе съ наилучшей и выгодной стороны; продержали насъ двое сутокъ, предупреждая всѣ наши желанія, и при прощаніи о. протоіерей далъ намъ рекомендательное письмо въ сыну своему въ Петербургъ.

Изъ Коломны мы выѣхали поутру, и прибыли въ Москву въ тотъ же день вечеромъ. Не зная вовсе Москвы, мы предоставили извозчику нашему привезти насъ въ гостиницу, которая была бы недалеко отъ Кушнецваго моста. Намъ извѣстно было, что близъ этого моста находится императорская медико-хирургическая академія, въ коей воспитывались и служили нѣкоторые изъ нашихъ земляковъ, — которыхъ мы знали еще въ Рязани и

отъ которыхъ мы могли получить вѣрныя свѣдѣнія о положеніи академіи и объ условіяхъ, на основаніи коихъ могли-бы вступить въ это заведеніе. Мы не замедлили отправиться въ академію, гдѣ дѣйствительно нашли рязанскихъ уроженцевъ до 8 человекъ; — замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были окончившіе уже курсъ и назначенные репетиторами при профессорахъ — Дядьковскій и Ловецкій, съ которыми мы, какъ земляки, очень скоро познакомились. Порядоки въ академіи, содержаніе студентовъ, образъ ихъ обращенія и самыя занятія намъ довольно понравились. Земляки пригласили насъ въ академическій ихъ спектакль, гдѣ мы имѣли случай видѣть все академическое начальство и полное собраніе студентовъ всѣхъ классовъ. Оркестръ былъ изъ студентовъ — любителей музыки, и вполне удовлетворилъ ожиданіямъ публики, а равно и самая пьеса шла довольно хорошо, — нѣкоторые изъ актеровъ были съ замѣчательнымъ талантомъ. Мы колебались въ рѣшительности, не лучше-ли намъ, не пускаясь въ дальній, болѣе неизвѣстный путь, поступить въ московскую академію; — но одно обстоятельство, неожиданно встрѣченное, сильно подѣйствовало, особенно на меня и рѣшило, что для насъ лучше отправиться въ Петербургъ. Обстоятельство это заключалось въ слѣдующемъ: изъ рязанцевъ г. Ловецкій скоро приобрѣлъ мою довѣренность своею откровенностію. Разсуждая однажды со мною о разныхъ ученыхъ предметахъ, онъ предложилъ мнѣ нѣкоторые вопросы, до религіи относящіеся, и на отвѣты мои, сдѣланные мною по вѣрѣ и убѣжденію, онъ представилъ такія опроверженія, которыя возбудили во мнѣ столь сильное негодованіе, что я, сообщивъ о томъ своему другу Маркову, рѣшительно сказалъ ему, что я внутренно убѣжденъ въ томъ, что мы должны ѣхать въ Петербургъ и отнюдь не оставаться въ такомъ товариществѣ, противъ котораго я имѣю самое несприятное предубѣжденіе. Марковъ вполне раздѣлилъ со мною такое мнѣніе.

Итакъ, простясь съ рязанцами и съ Москвою, мы отправились въ Петербургъ. Рѣшимость наша ѣхать въ сѣверную столицу для образованія въ медико-хирургической академіи, поддѣлалась, между прочимъ, еще и тѣмъ, что тамошняя академія есть древнее и главное заведеніе, коего московская составляетъ только отдѣленіе; всѣ потребности учебныя богаче и полнѣе,

а притомъ тамъ постоянное присутствіе императорской фамилии, высшихъ властей и гвардіи.

Мы ѣхали очень скоро, и 16-го января 1815 года, въ 8 часу утра, мы въѣхали въ столь желанную нами столицу, и не рѣшаясь пускаться внутрь города, мы остановились въ Ямской, въ квартирѣ бѣдной вдовы, которая согласилась намъ уступить небольшую комнату отъ своего помѣщенія.

Вотъ мы и въ Петербургѣ, гдѣ у насъ рѣшительно нѣтъ ни знакомыхъ, ни покровителей, кромѣ нѣсколькихъ земляковъ, воспитывавшихся въ медико-хирургической академіи, изъ коихъ ни съ однимъ мы незнакомы. Благополучное прибытіе въ столицу съ одной стороны для насъ было приятно, ибо мы этого очень желали, а съ другой—повергало насъ въ уныніе, по причинѣ незвѣстности, удастся ли намъ достигнуть своей цѣли. На другой же день по приѣздѣ, мы отправились въ академію и отыскивали своихъ земляковъ.

Г. Петровъ былъ изъ нихъ, какъ мы замѣтили, основательнѣе прочихъ и довольно знакомъ со всѣмъ ходомъ дѣлъ въ академіи. По его совѣту, мы въ то же время явились къ инспектору академіи, доктору статскому сов. Энегольму, коему предъявили свое желаніе поступить въ число казенныхъ воспитанниковъ и представили свои аттестаты, выданные намъ рязанскимъ духовнымъ начальствомъ.

Г. Энегольмъ принялъ насъ съ видомъ важнымъ, выражающимъ начальника значительнаго учебнаго заведенія, прочиталъ наши бумаги и довольно благосклонно объявилъ, что согласенъ бы былъ на принятіе насъ, если бы были вакансіи для казенныхъ воспитанниковъ,—но, въ настоящее время, онъ ни одной въ виду не имѣетъ. Наконецъ, прощаясь съ нами, предложилъ, не хотимъ ли мы поступить волонтерами на нашъ счетъ, или дожидаться до начала слѣдующаго курса, т.-е. до 1-го сентября. Такой отзывъ насъ крайне опечалилъ, тѣмъ болѣе, что содержаться собственнымъ коштомъ, по неимѣнію способовъ, мы рѣшительно не могли.

Это обстоятельство повергло насъ въ большое уныніе. Положеніе наше дѣйствительно было очень затруднительно. Заѣхать въ отдаленный край безъ знакомства, покровительства и безъ способовъ къ существованію, — дѣлало положеніе наше самымъ

затруднительнымъ. Но взаимная дружба наша и твердая надежда на Провидѣніе—ободряли насъ. Чтобъ разсѣять грусть, мы всякій день выѣзжали въ городъ или выходили пѣшкомъ, чтобъ любоваться великолѣпіемъ и обширностію столицы; вечерами-же всегда оставались въ квартирѣ, читали медицинскія книги, которыми насъ снабдилъ землякъ г. Петровъ, или разсуждали о разныхъ предметахъ, а особенно о средствахъ, чтобъ поступить въ академію. Такъ провели мы нѣсколько дней.

Въ одинъ день, когда погода была благопріятна, мы пошли послѣ обѣда прогуляться, зашли довольно далеко и возвращались по Знаменской улицѣ, на которой тогда были, вмѣсто нынѣшнихъ тротуаровъ, деревянные мостки. На встрѣчу намъ шелъ чиновникъ въ военной формѣ, очень пріятной наружности; — мы сошли съ мостковъ, чтобъ дать ему дорогу; поровнявшись съ нами, онъ взглянулъ на насъ благосклонно и съ любопытствомъ:

— Вы вѣрно приѣзжіе? спросилъ онъ насъ.

Мы отвѣчали ему утвердительно.

— Откуда вы и за чѣмъ приѣхали?

Такое участіе для насъ было весьма лестно. Марковъ объяснилъ ему, что мы изъ Рязани, гдѣ были учителями семинаріи, и сюда приѣхали съ намѣреніемъ поступить въ медико-хирургическую академію въ число казенныхъ воспитанниковъ, — но намъ въ этомъ отказали за неимѣніемъ вакансіи.

— Мнѣ пріятно, сказалъ военный чиновникъ, видѣть васъ, потому что я самъ долго квартировалъ въ Рязани съ Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ восемь я тогда былъ полковымъ врачомъ.

Онъ спросилъ наши фамиліи, потомъ онъ разспрашивалъ о своихъ рязанскихъ знакомыхъ, на что мы могли дать ему удовлетворительные отвѣты; наконецъ, прощаясь съ нами очень ласково, онъ сказалъ:

— Завтра по утру въ 7 часовъ прошу васъ побывать у меня, мы посовѣтуемся вмѣстѣ о вашемъ дѣлѣ — я живу подлѣ самаго госпиталя лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и управляю этимъ госпиталемъ.

Это былъ главный врачъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, на дворный совѣтникъ А. П. Владимірскій.

Такое вниманіе къ намъ, участіе въ нашемъ положеніи и

ласки г. Владимирскаго были для нашей душевной болѣзни наилучшимъ живительнымъ бальзамомъ! Проходя мимо знаменской церкви, мы вошли въ этотъ великолѣпный храмъ и съ благоговѣніемъ принесли благодареніе Всевышнему за посланіе намъ такого добродѣтельнаго совѣтника.

На другой день ровно въ 7 часовъ утра, мы нашли г. Владимирскаго уже одѣтымъ въ вицъ-мундиръ за чаемъ съ трубкою въ рукахъ. Онъ уже собирався въ госпиталь. Обласкавъ насъ еще болѣе, онъ спросилъ наши бумаги. Прочитавъ ихъ, онъ сказалъ:

— «Надѣюсь, ваше дѣло можно поправить; вотъ вамъ письмо къ ученому секретарю конференціи г. Кайданову, — доставьте его ему лично и скажите, что я его усердно прошу объ васъ и не замедлю видѣться съ нимъ».

Г. Кайдановъ, прочитавъ письмо г. Владимирскаго, совѣтовалъ намъ, не теряя времени, подать просьбу г. министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, о принятіи насъ въ академію, чрезъ правителя его канцеляріи г. Мартынова, — что мы и сдѣлали на другой же день.

Г. Мартыновъ намъ объявилъ, что мы получимъ рѣшеніе на просьбу чрезъ конференцію академіи.

Чрезъ нѣсколько дней, явясъ въ академію, мы узнали, что министръ разрѣшилъ принять насъ казенными воспитанниками, сдѣлавъ намъ предварительно установленное испытаніе. Въ слѣдующее засѣданіе конференціи насъ экзаменовали и въ то же время зачислили въ академію казенными воспитанниками.

Такимъ образомъ, чрезъ случайное покровительство, мы поступили наконецъ въ академію 2 марта 1815 года.

III.

На первой половинѣ въ № 15 назначили намъ помѣщеніе вмѣстѣ съ Марковымъ, гдѣ вромѣ насъ расположены были еще три студента разныхъ курсовъ, вторые насъ приняли очень дружелюбно.

Перемѣщеніе наше изъ Ямской въ Академію — на Выборскую сторону столицы, совершилось очень легко и поспѣшно, ибо все наше имущество заключалось въ одномъ общемъ нашемъ чемоданѣ со всеми учебными принадлежностями и гардеробомъ. У

меня было нѣсколько денегъ въ запасѣ, а у Марьова оставалось ихъ уже очень мало;—но мы съ нимъ никогда не считались—все у насъ было общее. Дружба наша такъ была упрочена временемъ, постояннымъ согласіемъ и взаимною предупредительностію, что товарищи признавали насъ за родныхъ братьевъ. Въ академическую жизнь я вполне узналъ всю цѣну нашей дружбы, которая имѣла самое благопріятное вліяніе на наши успѣхи и особенно на отличное предъ прочими поведеніе. Это вскорѣ замѣтили не только товарищи, но и самые начальники Академіи, которые обходились съ нами очень благосклонно и отдавали справедливость нашему усиленному прилежанію и успѣхамъ. Мы оба одѣвались совершенно одинаково,—и такъ какъ наши наружности нѣсколько были сходны, то нерѣдко одного изъ насъ принимали за другого.

На другой день нашего поступленія въ Академію, мы должны были отправиться на лекцію профессора Петрова, академика, который на этой лекціи начиналъ читать геометрію. Помѣстясь рядомъ съ Марьовымъ, на средней скамейкѣ амфитеатра, противъ самой кафедры, мы приготовились со всѣмъ вниманіемъ слушать ученость заслуженнаго и сѣдинами уже украшеннаго академическаго преподавателя. Великолѣпіе амфитеатра, который, впрочемъ совсѣмъ холодный, и большое общество слушателей поселяло въ насъ глубокое чувство уваженія къ этому учебному заведенію. Наконецъ въ классѣ водворилось молчаніе, и изъ смежнаго кабинета выходитъ г. профессоръ, который, осмотрѣвъ слушателей, сѣлъ на свое мѣсто и положилъ на кафедру небольшую раскрытую книжку. Онъ былъ въ епотовой, зеленыхъ бархатомъ крытой шубѣ, которая, какъ онъ впоследствии самъ объявилъ, перешла къ нему отъ извѣстнаго литератора Сумарокова. Разложенная книжка была геометрія, изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія для преподаванія въ гимназіяхъ. Профессоръ прямо, безъ малѣйшаго предварительнаго объясненія, началъ читать по книжкѣ введеніе оной, и оставиваясь на разныхъ мѣстахъ, заставлялъ слушателей поправлять типографическія ошибки. Большая половина лекціи употреблена была на это,—а о самомъ предметѣ онъ говорилъ очень мало. Въ теченіи лекціи мы съ Марьовымъ неоднократно переглянулись другъ на друга, а вышедши изъ амфитеатра, съ

изумленіемъ разсуждали,—неужели мы приѣхали за 1,000 верстъ слушать такое преподаваніе?!—По нѣкоторомъ разсужденіи я сказалъ Маркову: «о, если уже мы рѣшились однажды посвятить себя изученію врачебной науки, то необходимо все слушать и ничѣмъ не пренебрегать; быть можетъ, что такое преподаваніе ведетъ къ уразумѣнію высокихъ истинъ науки!»—Мы однакожь, при всемъ нашемъ прилежаніи, впоследствии убѣдились, что преподаваніе этого профессора намъ принесло немного существенной пользы.

На прочіе предметы перваго курса мы много опоздали, ибо уже много было прочитано отъ 1-го прошлаго сентября по день нашего поступленія въ академію. Мы однакожь рѣшились, во что-бъ то ни стало, перейти во 2-й курсъ, чтобъ не терять цѣлыхъ полтора года до окончанія всего академическаго курса. Для этого мы должны были частнымъ образомъ, кромѣ лекцій обыкновенныхъ, текущихъ, заниматься изъ анатоміи—остеологіею и мнологіею, изъ естественной исторіи—зоологіею и минералогіею. Это потребовало отъ насъ самыхъ усиленныхъ трудовъ, которые однакожь, въ великому нашему удовольствію, увѣнчались самымъ лучшимъ успѣхомъ;—мы удачно выдержали, наравнѣ съ товарищами, экзамень и перешли во 2-й классъ оба въ 1-мъ отдѣленіи.

Удачный переходъ во 2-й классъ ободрилъ насъ самымъ благоприятнымъ образомъ, такъ что занятія наши пошли правильно и мы во всѣхъ прочіихъ классахъ оба шли постоянно эминентами;—а по выдержаніи публичнаго экзамена на званіе лекаря, изъ числа 72 товарищей я получилъ въ награду золотую, а Марковъ первую серебряную медаль. Сверхъ медицинскихъ, мы посѣщали и ветеринарныя лекціи, которыя читали весьма ученые профессора Кайдановъ и Яновскій. Мы выслушали полный курсъ и свотоврачебныхъ наукъ, и по выдержаніи публичнаго экзамена, оба получили званіе ветеринарнаго лекаря 1-го отдѣленія.

По вступленіи въ академію, вначалѣ я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе отъ анатомическихъ занятій и никакъ не могъ переносить трупнаго запаха. Были минуты, когда я даже рѣшался оставить вовсе академію. Но твердый характеръ Маркова и совѣты опытныхъ студентовъ Академіи удержали меня.

Марковъ внутренно также былъ очень неравнодушенъ при практическихъ занятіяхъ анатомію; — но употреблялъ всѣ усилія преодолѣть это отвращеніе и всегда показывалъ при мнѣ, что весьма охотно занимается и уже начинаетъ приобрѣтать привычку въ этимъ занятіямъ, которыя ему кажутся постепенно болѣе и болѣе интересными. Мнѣ было стыдно передъ нимъ показывать себя малодушнымъ, а особенно передъ студентомъ г. Савенко, который занимаясь, вмѣстѣ съ прозекторомъ Буяльскимъ, анатомическими препаратами, охотно вызвался быть нашимъ руководителемъ при занятіяхъ анатомію. Онъ совѣтовалъ мнѣ нюхать табакъ, когда трупный смрадъ дѣйствовалъ на меня сильно, и увѣрялъ, что я очень легко могу преодолѣть свое чувство и скоро полюблю эти занятія, такъ что буду ихъ предпочитать всѣмъ прочимъ. Увѣренія его вполне оправдались. Впослѣдствіи я проводилъ цѣлыя ночи, съ однимъ только служителемъ, въ анатомическомъ театрѣ, и анатомія сдѣлалась наконецъ моимъ любимымъ предметомъ. И дѣйствительно, ничто не можетъ намъ такъ убѣдительно показать на дѣлѣ премудрость и благость Всевышняго Творца, какъ внимательное и подробное изученіе строенія всего человѣческаго тѣла! — Это поистинѣ есть малый міръ.

Весьма много способствовало успѣхамъ нашимъ съ Марковымъ то, что мы приняли за правило всегда заниматься вмѣстѣ, и на прогулкахъ, дѣлаемыхъ нами ежедневно, экзаменовать другъ друга и взаимно поправлять ошибки.

Предъ послѣднимъ годомъ курса, я назначенъ былъ ординаторомъ при профессорѣ терапевтической клиники, а Марковъ сдѣланъ дежурнымъ, или старшимъ въ отдѣленіи. Это однакожъ не препятствовало намъ заниматься всегда вмѣстѣ. Приобрѣвъ вниманіе и довѣренность профессора клиники, въ коей я жилъ постоянно, я неусыпно занимался при кроватяхъ больныхъ, внимательно слѣдовалъ за ходомъ болѣзней, часто самъ раздавалъ лекарства, писалъ исторіи болѣзней и замѣчалъ всѣ ординаціи. Всему этому кругу своихъ занятій я велъ акуратный журналъ; вообще клиническія занятія для меня принесли чрезвычайную пользу, при производствѣ практики въ послѣдующее время.

Въ хирургической клиникѣ, въ теченіи курса, я сдѣлалъ на живыхъ двѣ хирургическія операціи съ полнымъ успѣхомъ. Это

вовбудило во мнѣ охоту къ практической хирургіи, кою на службѣ я занимался съ довольною ловкостію, и на первомъ году службы я собралъ до 8-ми хирургическихъ наблюденій, которыя я описалъ систематически и представилъ въ конференцію академіи,—за что и былъ удостоенъ званія медико-хирурга.

Приготовленіе къ публичному экзамену требовало отъ насъ, самыхъ усильныхъ занятій. Предлежало оправдать ожиданія начальства Академіи въ присутствіи многихъ постороннихъ знатныхъ ученыхъ, а чрезъ то поддержать приобрѣтенное дотолѣ хорошее мнѣніе всѣхъ профессоровъ Академіи. Надобно было выдержать изъ 27 предметовъ по медицинскому и ветеринарному отдѣленіямъ.

Предъ началомъ экзамена я нѣсколько ослабѣлъ въ силахъ отъ безсонницы,—это меня немного обезкуражило; но когда мои рѣшенія вопросовъ вполнѣ удовлетворяли присутствовавшихъ, я ободрился духомъ и окончилъ экзаменъ съ наилучшимъ успѣхомъ. Мнѣ предлагали остаться при Академіи преподавателемъ и со временемъ отправиться для дальнѣйшаго образованія за границу;—но желаніе скорѣе поступить въ военную службу и нерасположеніе къ преподаванію рѣшили меня отказать отъ этого предложенія.

На торжественномъ актѣ Академіи, по окончаніи нашего курса, мнѣ назначено было прочитать латинскую рѣчь, которую я составилъ не безъ особеннаго труда,—и прочиталъ ее при г. министрѣ*) и весьма важныхъ другихъ посѣтителяхъ, съ особливимъ одушевленіемъ и энергією, и заслужилъ всеобщее одобреніе. Г. министръ просвѣщенія, подавая мнѣ на серебряномъ блюдѣ золотую медаль, милостиво изволилъ сказать:

— «Благодарю васъ за успѣхи, которые дѣлаютъ честь вашимъ профессорамъ и академіи, и желаю вамъ съ такими-же успѣхами продолжать вашу службу».

Общія поздравленія, объятія и признательность всѣхъ профессоровъ произвели во мнѣ какой-то особенный умилительный восторгъ!—Мы оба съ Марковымъ были на верху блаженства.

Послѣ столь благополучно пройденнаго академическаго цѣприща, мы единодушно съ Васильемъ Власевичемъ Марковымъ

*) Въ то время, въ 1818 году, министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь А. Н. Голицынъ.

сочли долгомъ, прежде всего, принести благодареніе Всевышнему—пошли въ церковь и съ умиленіемъ молились.

На торжественномъ актѣ, кромѣ медалей, изъ рукъ президента Академіи мы получили дипломы: а) на званіе лекаря по части медицинской 1-го отдѣленія съ отличіемъ, б) на званіе лекаря ветеринарнаго 1-го отдѣленія и с) и на полученные медали; сверхъ сего карманные хирургическіе инструменты медицинскіе и ветеринарные.

IV.

Августа 2-го дня 1818 года мы назначены на службу по военно-медицинскому вѣдомству, и въ церкви св. мученика Пантелеймона приведены, вмѣстѣ съ товарищами, къ присягѣ на вѣрность службы.

Я назначенъ баталіоннымъ лекаремъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій, а Марковъ—въ Измайловскій полкъ. По приличію гвардейскихъ медиковъ, мы обмундировались довольно хорошо. Для этого намъ было выдано впередъ жалованья за треть года изъ 400-рублеваго ассигнац. оклада. Весьма утѣшительно для насъ было то, что мы могли не разлучаясь жить вмѣстѣ и на службѣ. Василій Власовичъ былъ, при самомъ назначеніи, прикомандированъ къ артиллерійскому госпиталю, расположенному подлѣ самыхъ казармъ Преображенскаго полка. Мы довольно удобно помѣстились въ одной моей квартирѣ, мнѣ дали казеннаго деньщика, которой для насъ обоихъ былъ *factotum*.

1-го сентября, въ полковомъ госпиталѣ мнѣ дали въ завѣдываніе 4 палаты въ нижнемъ этажѣ, и назначили дежурнымъ по госпиталю. Полковой врачъ, надворный совѣтникъ Целерицкій принялъ меня хорошо, и представилъ полковому командиру генераль-адъютанту Григорью Владимировичу Розену.

Штабъ-докторомъ гвардейскаго корпуса былъ статскій совѣтникъ Мильчевскій. Въ первый день моей службы и дежурства, онъ приѣхалъ ревизовать госпиталь, и нашедъ въ одной палатѣ часоточнаго больного неотдѣленнымъ отъ прочихъ, сдѣлалъ мнѣ самое строгое замѣчаніе и приказалъ—было посадить меня подъ арестъ, но отмѣнилъ этотъ штрафъ единственно потому, что я первый день только вступилъ въ службу. Это обстоятельство меня крайне огорчило. Вотъ каково, думалъ я, начало моей службы!

Доселъ все мнѣ благопріятствовало, а первый шагъ на службѣ, совсѣмъ невинно, подвергъ меня такой строгой отвѣтственности!

Скоро затѣмъ я узналъ причину такого обращенія со мною г. Мильчевскаго. Онъ былъ недоволенъ полковымъ врачемъ Церрицимъ, который, какъ я скоро замѣтилъ, былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. При ограниченнѣхъ способностяхъ, онъ не имѣлъ надлежащаго образованія ни въ наукѣ, ни въ общезитіи. Онъ былъ весьма слабый практикъ и больные къ нему не имѣли довѣренности.

Ободравъ, послѣ первой неудачи, отъ меня впрочемъ независѣвъ шей, я принялся за свое дѣло со всею ревностію, и о ввѣренныхъ мнѣ больныхъ заботился со всевозможнымъ усердіемъ; — посѣщая по нѣскольку разъ въ день больныхъ, особенно трудныхъ, я прихаживалъ къ нимъ ночью наблюдать ходъ и перемѣны болѣзней, и велъ всѣ исторіи въ палатахъ своихъ совершенно клиническимъ образомъ. Солдаты возымѣли ко мнѣ въ короткое время особенную довѣренность. Являясь изъ госпиталя къ ротнымъ начальникамъ, они доносили имъ, какъ объ нихъ стараются въ госпиталѣ. Старые и женатые солдаты всегда обращались ко мнѣ при болѣзняхъ своихъ женъ и дѣтей, и многіе просили меня быть у нихъ кумомъ при рожденіи у нихъ дѣтей. Черезъ такіа усиленные занятія при больныхъ, въ короткое время меня узнали офицеры полка и искали моего пособія и совѣтовъ при своихъ болѣзняхъ; а наконецъ я сдѣлался врачомъ и у полковаго командира и его семейства. Нѣкоторые изъ офицеровъ старались пріобрѣсти даже мою дружбу; въ числѣ такихъ былъ первый Д. П. Зыковъ — умный и любознательный офицеръ, который занимался, подъ моимъ руководствомъ, латинскимъ и греческимъ языкомъ.

Г. штабъ-докторъ Мильчевскій, находя меня впослѣдствіи неоднократно на службѣ совершенно исправнымъ, началъ обходиться со мною очень благосклонно, такъ что познакомилъ меня съ своимъ семействомъ и приглашалъ часто къ обѣду. Онъ былъ женатъ на весьма образованной вдовѣ и съ ними вмѣстѣ жили ея сестра, также вдова — обѣ высокаго образованія. Изъ посѣщеній этого семейства я много извлекъ пользы относительно общественаго образованія. Такимъ образомъ дѣла мои, по службѣ и по практикѣ, пошли самымъ благопріятнымъ образомъ. Г. Миль-

чезавидій невідно рекомендовавъ мене для практики въ частномъ домѣ. А между тѣмъ и хозяйственныя наци съ Марковымъ дѣла принявъ лучшее устройство и порядокъ. Оба мы начали уже пріобрѣтати практикою порядочное пособіе.

Нужно упомянуть здѣсь, что, будучи еще студентомъ, я извѣстенъ былъ лично президенту Академіи и главному по арміи медицинскому инспектору баронету Вилліе, какъ по успѣхамъ, такъ и по участию въ составленіи его военной фармакопей, для коей я обработывалъ нѣкоторыя статьи по назначенію доктора Орлая, составлявшаго второе изданіе этого сочиненія.

Въ концѣ ноября 1849. года вдругъ я получилъ приказъ отъ г. Мильчевскаго: на другой день въ 7 часовъ утра явиться во дворецъ къ Вилліе. Я поспѣшилъ предварительно видѣть самого г. Мильчевскаго и узнать отъ него причину требованія меня къ главному начальнику. Принявъ меня холодно, но съ какимъ-то скрытымъ участіемъ, г. Мильчевскій объявилъ мнѣ, что г. Вилліе, какъ ему кажется, предполагаетъ сдѣлать мнѣ особенное какое-то назначеніе. Это поставило меня въ непріятное недоумѣніе.

Въ назначенный часъ явился я въ канцелярію Вилліе, въ змѣній дворецъ, а вскорѣ за мною прибылъ въ оную состоящій при немъ секретаремъ по Академіи г. Костогоровъ. На холодный вопросъ его — что мнѣ нужно? я отвѣчалъ учтиво — «мнѣ приказано явиться къ его превосходительству». Кивнувъ мнѣ головой, онъ пошелъ къ Вилліе, — доторой чрезъ нѣсколько минутъ потребовалъ меня къ себѣ. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ шлафрокѣ. Обратясь къ Костогорову, Вилліе спросилъ:

— «Ты его знаешь?»

— Какъ-же, ваше превосходительство, отвѣчалъ Костогоровъ.

Потомъ, съ видомъ положительнаго начальника, спросилъ меня:

— «Умѣешь ли ты писать бумаги?»

— Важныя служебныя бумаги писать мнѣ случалось — я отвѣчалъ.

— «Какіе знаешь ты языки?»

— Датскій, французскій и отчасти греческій — почтительно сказалъ я.

— «Мнѣ хотѣлось бы взять тебя въ канцелярію на мѣсто дов-

тора Рихтера, котораго, по причинѣ болѣзни, я увольняю» — продолжалъ Вилліе.

Я поклонился и не сказалъ на это ничего.

Потомъ взялъ латинскую книгу и перелистовавъ немного, позвалъ меня и сказалъ: «Поди въ бібліотеку и переведи мнѣ эту статью, пока я возвращусь».

Взявъ книгу и поклонясь, я пошелъ въ назначенное мѣсто.

Прочитавъ статью, которая была довольно проста и заключала много техническихъ словъ, я крайне былъ смущенъ такимъ школьнымъ экзаменомъ! Мнѣ представилась моя будущность въ самомъ мрачномъ видѣ. Вилліе скоро куда-то уѣхалъ. Я перевелъ скоро статью, безъ особеннаго старанія и переписалъ ее набѣло довольно чистенько. Часа черезъ два Вилліе возвратился и видимо былъ не въ духѣ. Меня позвали въ кабинетъ, и я подалъ свою школьную задачу.

Прочитавъ ее, Вилліе сказалъ мнѣ: — «Кажется ты годишься — ступай внизъ въ канцелярію и занимайся тамъ».

Г. Костогоровъ, указавъ мнѣ мѣсто, сказалъ: — «Вотъ тутъ сидѣлъ и занимался докторъ Рихтеръ, — дѣло нетрудное, будемъ заниматься вмѣстѣ».

Я поблагодарилъ его въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, и съ глубокою грустію сѣлъ на показанное мѣсто. Оставшись одинъ я едва удержался отъ слезъ при размысленіи о столь нечаянной и скоростижной переměнѣ моего поприща, съ которымъ я уже довольно-было свыкъся и занятія мои начали приносить мнѣ существенную пользу.

Командиръ полка генераль-адъютантъ Розенъ, узнавъ о моемъ новомъ назначеніи, позвалъ меня немедленно къ себѣ. Встрѣтивъ меня съ встревоженнымъ видомъ, сказалъ:

— «Какимъ образомъ г. Вилліе взялъ изъ высочайше ввѣреннаго мнѣ полка медика, весьма необходимаго для всего полка?»

— Мнѣ это совершенно неизвѣстно, отвѣчалъ я; — только я уже получалъ отъ него лично приказаніе — заниматься дѣлами въ его канцеляріи.

— «Быть этого не можетъ, я завтра же буду просить государя, чтобъ мнѣ оставили васъ по прежнему въ полку!»

— Мнѣ остается усерднѣйше благодарить ваше превосход-

тельство за столь милостивое ко мнѣ вниманіе, сказалъ я; — но я обязанъ доложить вамъ, что и въ случаѣ успѣха вашего ходатайства, объ оставленіи меня въ вашемъ полку, — участь службы моей будетъ также состоять во власти г. Вилліе, которому вѣрно не будетъ пріятно, что я уклонился отъ его назначенія.

— «Да развѣ вы сами не желаете оставаться въ полку?» сказалъ генераль Розенъ.

— Совсѣмъ напротивъ, но въ настоящемъ положеніи моемъ, я совсѣмъ не въ правѣ располагать собою, отвѣчалъ я, — а быть подъ неблагоприятнымъ замѣчаніемъ главнаго моего начальника, это можетъ имѣть худыя послѣдствія на мою будущность, которой главное основаніе есть служба, ибо я образовался на казенный счетъ.

— «Нечего дѣлать, сказалъ онъ наконецъ: вѣрно эта ваша судьба; но я крайне сожалею, что не могу удержать васъ въ моемъ полку, которой теряетъ въ васъ лучшаго врача».

Итакъ, я окончательно поступилъ въ канцелярію баронета Вилліе.

V.

Прежде всего я счелъ нужнымъ познакомиться съ своимъ предметникомъ, чтобъ отъ него узнать, по крайней мѣрѣ, главныя обязанности моей новой службы. Докторъ Рихтеръ принялъ меня весьма хорошо и съ участіемъ товарища.

— «Я самъ желалъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ, и какъ почтенному преемнику сообщить нѣкоторыя особенности новой вашей должности». Передавъ мнѣ обстоятельно всѣ предметы моихъ занятій по канцеляріи, при первомъ свиданіи, онъ просилъ меня бывать у него почаще.

Я воспользовался столь полезною для меня его готовностію.

Изъ неоднократныхъ бесѣдъ съ г. Рихтеромъ, я съ прискорбіемъ убѣдился, что я вступилъ на самое трудное поприще службы.

Призвавъ на помощь Промыслъ Всевышняго, я принялся за дѣло. Назначеніе мое послѣдовало 28 ноября 1819 года: — мѣсто въ преображенскомъ полку оставалось за мною, а къ г. Вилліе я былъ прикомандированъ для исправленія должности правителя дѣлъ его канцеляріи по военно-медицинской части. Въ 7 часовъ утра я долженъ былъ ежедневно являться въ канцелярію, а въ 4-мъ оставлять ее.

Штабъ-докторъ Мильчевскій, когда я въ нему явился, откровенно сказалъ: «Ну, любезный, дѣло кончено, — но я васъ не поздравляю!... Много придется вамъ испытать горькаго и перенести труднаго!...»

Въ теченіи полугода я довольно ознакомился съ ходомъ дѣлъ и приобрѣлъ нѣкоторый навыкъ исполнять ихъ правильно. Бар. Вилліе вскорѣ замѣтилъ это и даже показывалъ мнѣ въ своихъ отъѣздахъ, что я могу вполне замѣнить при немъ д-ра Рихтера. Между тѣмъ вдругъ стало извѣстно, что государь императоръ изволитъ скоро отправиться въ путешествіе по Россіи, и въ Варшаву, а можетъ быть и за границу на конгрессъ.

Съ одной стороны это извѣстіе для меня было пріятно, ибо весьма лестно было находиться въ свитѣ его величества во время путешествія, — а съ другой трудность занятій, ибо и обязанность г. Костогорова (онъ былъ секретаремъ при президентѣ академіи), на время высочайшихъ путешествій, переходила ко мнѣ, — а при томъ, во время путешествія, я долженъ быть докторомъ свиты его величества, и неопытность въ путешествіяхъ, поставляли меня въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что при мнѣ назначался одинъ придворный лекарскій ученикъ, для медицинскихъ при свитѣ занятій; — но самую канцелярію при бар. Вилліе я составлялъ одинъ, — она вся сосредоточивалась во мнѣ одномъ — не было даже и писаря.

Въ концѣ мая 1820 года высочайше повелѣно сдѣлать всѣ приготовления къ путешествію.

Бар. Вилліе объявилъ мнѣ приказаніе, чтобъ я приготовилъ все нужное къ путешествію, продолженіе коего ему было неизвѣстно.

Выѣздъ въ вояжъ государь изволилъ назначить 8-го іюня изъ Царскаго Села. Мнѣ назначена была коляска вмѣстѣ съ майоромъ фельдъегерскаго корпуса Михайловымъ.

Однажды, возвратясь въ квартиру, — это было наканунѣ нашего выѣзда, — я нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ надписью на мое имя — въ собственныя руки. Вскрывши его, я нашелъ въ немъ 2,000 р. асс. и листовъ бумаги, на которомъ написано: «отъ благодарныхъ больныхъ за успѣшное и усердное о нихъ попеченіе». Вскорѣ я узналъ, что это приношеніе было отъ гг. офицеровъ преображенскаго полка. Это было для меня чрезвычайно

пріятно, потому въ особенности, что было лучшимъ доказательствомъ вниманія ко мнѣ всего общества офицеровъ полка.

7-го іюня 1820 г. въ ночь мы выѣхали съ маіоромъ Михайловымъ въ Царское Село. При мнѣ назначенъ придворный лекарскій ученикъ Николай Щедринъ, который былъ единственный мой помощникъ въ путешествіи.

VI.

8 іюня (1820 г.) въ 7 часовъ утра, государь изволилъ выдти изъ дворца на подъѣздъ подлѣ церкви, и перекрестясь сѣлъ въ коляску съ княземъ Волконскимъ. По маршруту назначалось въ гор. Осташковъ, Тверской губерніи, пробить два дня. Государь изволилъ прибыть туда 10-го іюня вечеромъ, и остановился въ домѣ купца Саввина. На другой день по утру, принявъ представленія отъ дворянства, служащихъ и гражданъ, государь изволилъ отправитъ ся водою черезъ озеро въ Нилову пустынь, гдѣ слушалъ обѣдню и прикладывался къ св. мощамъ преподобнаго Нила. Во время возвращенія его величества въ городъ изъ пустыни, собралась надъ городомъ темная туча;—однакожь государь еще до дождя успѣлъ доѣхать до дома купца Саввина, и вскорѣ вышелъ къ обѣденному столу, къ коему были приглашены, кромѣ свитскихъ, гражданскіе начальники и предводители дворянства.

Едва успѣли сѣсть за столъ, вдругъ надъ городомъ разразилась туча весьма сильнымъ громовымъ ударомъ, такъ что государь изволилъ, перекрестясь, сказать:

— «Это ужъ вѣрно не безъ несчастія гдѣ-либо!»

Я обѣдалъ за гофмаршальскимъ столомъ въ домѣ же Саввина, но въ другой комнатѣ.

Вдругъ вбѣжалъ городничій къ намъ въ комнату, съ тревожнымъ видомъ, и донесъ, что чрезъ два дома отъ дома Саввина, въ каменномъ домѣ громъ убилъ г-жу Болговскую, приѣхавшую изъ своего помѣстья въ Осташковъ, чтобъ видѣть государя.

Бар. Вилліе вышелъ изъ зала, гдѣ государь изволилъ кушать, и приказалъ мнѣ ѣхать туда тотчасъ съ городничимъ.

Я нашель г-жу Болговскую лежащую въ креслахъ въ ея кабинетѣ, съ повисшими головою и правою рукою, близъ печи, у коей труба на это время не была закрыта. Она была жива, но не могла мнѣ сказать ни слова. Приказавъ ея дѣвушекъ раздѣть

ее, я нашелъ, что, начиная отъ верхняго праваго плеча, весь правой бокъ, рука и нога были обожжены молніею и покрыты обширными багровыми пятнами, или полосами. Вслѣдъ почти за мною приѣхалъ и бар. Вилліе по приказанію государя.

Приличными средствами мы привели ее въ чувство и положили въ кровать. При выѣздѣ государя изъ Осташкова, ей было уже лучше.

Замѣчательно, что домъ, занимаемый г-жею Болговскою, предназначался губернаторомъ, какъ лучший, для помѣщенія государя; — но купецъ Саввинъ упросилъ, чтобъ онъ осчастливилъ его домъ своимъ помѣщеніемъ. Комната, гдѣ Болговская была поражена громомъ, предназначалась также для кабинета его величества!...

Изъ Осташкова государь изволилъ отправиться прямо въ Тверь, гдѣ былъ назначенъ большой смотръ кавалеріи и конной артиллеріи. Онъ остановился во дворцѣ, принадлежавшемъ покойной великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, гдѣ помѣстилась и вся свита его величества.

На другой день назначенъ былъ парадъ всѣмъ собраннымъ тамъ войскамъ. Я получилъ отъ бар. Вилліе приказаніе быть при немъ верхомъ, имѣть при себѣ хирургическіе инструменты и все нужное для поданія перваго пособія, въ случаѣ какаго-либо приключенія. Это былъ первый опытъ моей вояжной службы, которой былъ не совсѣмъ удаченъ; ибо на маневрахъ, во время атаки кавалеріи, поспѣвая на помощь упавшему съ лошади офицеру, я самъ упалъ съ лошади и порядочно ушибъ себѣ лѣвый бокъ. Это было въ виду государя. Бар. Вилліе поспѣшилъ прискакать на мѣсто моего паденія, и разругалъ меня въ пухъ за то, что я не умѣю ѣздить. Хотя здѣсь гнѣвъ совсѣмъ былъ не у мѣста, но я этимъ не обидился, ибо совершенно было справедливо замѣчаніе его, на счетъ моей верховой ѣзды. Маневры были на другой день парада, и я не успѣлъ взять хотя первоначальнаго урока верховой манежной ѣзды у государева берейтора Исакова, которой, по приязни, самъ вызвался научить меня ѣздѣ съ мундштукомъ.

Послѣ маневровъ, которыми государь изволилъ быть доволенъ, среди самаго поля подъ палатками былъ обѣденный столъ, гдѣ всѣ обѣдали, начиная отъ государя, до послѣдняго рядоваго,

бывшаго въ строю. Это представляло великолѣпнѣйшую картину. Государь самъ изволилъ предложить первый тостъ: «за здравіе російскаго побѣдоноснаго воинства!» Раздалось отовсюду оглушающее ура! Затѣмъ, командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ Ларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ предложилъ тостъ: «за здравіе государя императора!» При всеобщемъ оглушающемъ ура! раздались пушечные выстрѣлы, которые то залпомъ, то батальнымъ огнемъ продолжались, по крайней мѣрѣ, четверть часа.

Изъ Твери государь изволилъ отправиться въ Москву, гдѣ пробылъ цѣлую недѣлю, занимаясь смотромъ собранныхъ тамъ войскъ, а равно и всѣхъ учебныхъ и богоугодныхъ заведеній.

Въ Москвѣ я познакомился съ докторомъ Пивулинымъ, занимавшимъ мое мѣсто при бар. Вилліе, во время кампаніи 1812 года до Вѣнскаго конгресса въ 1815 году. Онъ меня очень обласкалъ и былъ мнѣ не менѣе полезенъ, какъ и предмѣстникъ мой д-ръ Рихтеръ. Пивулинъ былъ тогда профессоромъ при М. Х. Академіи въ Москвѣ и читалъ анатомію и фізіологію.

Къ бар. Вилліе онъ являлся всякой день и оказывалъ ему большое уваженіе и усердіе, которыя, впрочемъ, были совсѣмъ не искренни. Впослѣдствіи я узналъ отъ него основательную причину такого поведенія въ отношеніи къ его начальнику. Д-ръ Пивулинъ разсказалъ мнѣ все прохожденіе своей службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, и особливо при бар. Вилліе, которое очень замѣчательно. Нѣкоторое время онъ пользовался особеннымъ личнымъ вниманіемъ императора Александра, — но на этомъ моментѣ его жизни остановился его военно-медицинскій карьеръ. А между тѣмъ, къ его несчастію, его постигла болѣзнь, требовавшая продолжительнаго леченія за границею.

Изъ Москвы государю благоугодно было отправиться черезъ Рязань въ гор. Козловъ, Тамбовской губерніи, гдѣ собранъ былъ кавалерійскій корпусъ, подъ командою генерала Дука.

Не видавъ 6 лѣтъ слишкомъ ни родины, ни родныхъ, я испросилъ себѣ позволеніе, за два дня до выѣзда изъ Москвы государя, напередъ отправиться въ Рязань, съ тѣмъ, чтобы тамъ присоединиться къ свитѣ его величества. Мнѣ, по приказанію генераль-адъютанта князя Меншикова, управлявшаго канцелярією начальника главнаго штаба его величества, выдана курьерская подорожная, и я стрѣлою пустился на родину.

Отца моего я нашелъ въ Рязани, который въ то время былъ священникомъ при церкви Дома Трудолюбія. Неожиданному моему приѣзду онъ до того обрадовался, что увидавъ меня и благословивъ, прижалъ къ своей груди, не бывъ въ состояніи произнести ни одного слова. Наконецъ, поцаловавъ меня, сказалъ: «благодарю Тебя, Творецъ Всевышній, что Ты ниспослалъ мнѣ счастье, еще разъ въ жизни видѣть моего добраго сына». Не менѣе того и я былъ тронутъ этою сценою. Старикъ, узнавъ отъ меня, что я служу при дворѣ и нахожусь въ вояжѣ при свитѣ императора, былъ чрезвычайно доволенъ и радъ отъ всей души. Повидавшись съ нѣкоторыми родными и посѣтивъ всѣхъ прежнихъ моихъ въ семинаріи наставниковъ, 19-го іюля я присоединился снова къ свитѣ.

Во всѣхъ мѣстахъ бар. Вилліе имѣлъ высочайшее повелѣніе осматривать военныя и гражданскіе госпитали и лазареты. Для этого онъ всегда бралъ меня съ собою. Это было его любимымъ предметомъ въ путешествіяхъ; я писалъ всегда его ординаціи при постеляхъ больныхъ и выполнялъ нѣкоторыя другія его порученія. Нерѣдко случалось, особенно когда онъ былъ не въ духѣ, что дѣлалъ самыя жестокія замѣчанія медикамъ и самимъ старшимъ врачамъ, если встрѣчалъ какую-либо неисправность, или неправильность въ леченіи*). Нельзя впрочемъ не отдать ему справедливости въ мастерствѣ этого дѣла.

Въ Воронежѣ къ бар. Вилліе явился дивизионный докторъ Мартини во фракѣ. Онъ, безъ позволенія медицинскаго начальства, изъ гор. Орла, гдѣ была расположена его дивизія, съ семействомъ корпуснаго командира барона Корфа, прибылъ къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ. Бар. Вилліе, увидавъ г. Мартини не въ формѣ и узнавъ отъ него о причинѣ прибытія въ Липецкъ, безъ позволенія медицинскаго начальства, до того разсердился, что въ ту-же минуту пошелъ къ князю Волконскому, донесъ ему оффиціально о поступкѣ Мартини, и выпросивъ у него фельдъегеря, въ то-же время просилъ на тележкѣ съ нимъ отправить его, Мартини, въ Орелъ къ мѣсту его служ-

*) О жесткости и грубости замѣчаній, какія позволялъ себѣ обыкновенно Вилліе, мы встрѣтимъ еще указанія въ любопытныхъ запискахъ Николая Викторовича Веригина. Онѣ будутъ напечатаны на страницахъ «Русской Старины».

бы. Это обстоятельство потому наиболѣе было замѣчательно, что отправленіе г. Мартини на тележкѣ съ фельдъегеремъ происходило въ виду всей липецкой публики!

23-го іюля, въ ночи, государь изволилъ прибыть въ Воронежъ, гдѣ былъ встрѣченъ военнымъ генераль-губернаторомъ Балашевымъ, управлявшимъ тогда 5-ю центральными губерніями на особенныхъ правахъ. Его величество остановился въ домѣ г. Тулинова.

При Курскѣ собраны были двѣ кирасирскихъ дивизіи, съ артиллеріею, коимъ государь изволилъ дѣлать смѣть и маневры, коими остался совершенно доволенъ. Здѣсь замѣчателенъ былъ обѣдъ, которой давали граждане Курска государю императору и всему войску, среди военного поля, за городомъ. Праздникъ этотъ походилъ отчасти на данный государю, также въ полѣ, подъ Тверью, но былъ несравненно великолѣпнѣе и расположенъ въ лучшемъ порядкѣ и съ болѣею изысканностію. Государь изволилъ остаться чрезвычайно довольнымъ преданностію и усердіемъ курскихъ гражданъ.

Изъ Курска государь изволилъ отправиться въ Украинское военное поселеніе — въ гор. Чугуевъ, куда 29-го іюля прибылъ на ночлегъ, — гдѣ встрѣченъ былъ графомъ Аракчеевымъ.

Въ это время военныя поселенія начали только устраиваться, и гор. Чугуевъ былъ обращенъ въ военный городъ, гдѣ сосредоточилось главное управленіе Украинскаго военного поселенія. Мѣстнымъ военнымъ начальникомъ былъ генераль Саловъ, извѣстный своими жестокими мѣрами въ Чугуевѣ при водвореніи военного поселенія, на которое мирные жители Украины очень неохотно соглашались. При видѣ, какъ въ самое короткое время совершенно преобразование края въ военное положеніе и жители приняли военную форму, нельзя не удивляться твердости воли главнаго учредителя военныхъ поселеній. Но съ другой стороны нельзя не ужасаться, слышавъ отъ очевидцевъ, какія жертвы принесены жителями, при обращеніи ихъ въ военные поселеніе!!!...

Государь изволилъ остаться вполне доволенъ всѣмъ тѣмъ, что ему представлялъ графъ Аракчеевъ.

Въ Полтавѣ встрѣтился со мною землякъ мой Добротворскій, который познакомилъ меня съ проживавшимъ тамъ въ от-

ставлѣ полковникомъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка Муравьевымъ-Апостоломъ. Это тотъ самый, который чрезъ 6 лѣтъ послѣ того былъ во главѣ заговора и погибъ на эшафотѣ, по приговору верховнаго суда, въ крон-веркѣ подлѣ Петропавловской крѣпости.

5-го августа государь изволилъ прибыть въ Херсонскія военныя поселенія на рѣкѣ Бугѣ, въ гор. Вознесенскѣ, гдѣ его встрѣтили графъ Аракчеевъ и графъ Виттъ, начальники Новороссійскаго военнаго поселенія. Вознесенскъ — небольшой военный городъ, недавно возникшій изъ незначительнаго мѣстечка, населеннаго болгарами, народомъ зажиточнымъ и торгующимъ скотомъ и хлѣбомъ. Введеніе здѣсь военнаго поселенія сопряжено было съ большими затрудненіями. Въ это время городъ Вознесенскъ только началъ населяться частными жителями;—но всѣ принадлежности военнаго поселеннаго города уже отстраивались. Государь изволилъ остановиться въ домѣ, занимаемомъ графомъ Виттомъ, и выстроеномъ на возвышенномъ и самомъ лучшемъ положеніи.

Въ это время изъ Одессы въ Вознесенскъ прибылъ отставной генералъ Коблѣ, бывший нѣкоторое время градоначальникомъ гор. Одессы. Онъ посѣтилъ бар. Вилліе, какъ землякѣ и старинный знакомый. Съ нимъ была дочь его—дѣвица лѣтъ 20-ти, брюнетка, живая и довольно пріятной наружности. Изъ очень частыхъ посѣщеній Коблѣ я заключилъ, что между имъ и бар. Вилліе должно быть какое-нибудь особенной важности дѣло. Догадка моя была не безъ основанія.

Однажды бар. Вилліе, взявъ меня подъ руку, повелъ въ садъ и до того былъ откровененъ, что раскрылъ мнѣ все свое сердце. Получивъ отъ меня благопріятный отзывъ на счетъ дѣвицы Коблѣ, которую я нѣсколько разъ видѣлъ, спросилъ меня: «Хорошо ли будетъ, если я женюсь»? Вслѣдъ за вопросомъ онъ прибавилъ, что ему 54 года (въ 1820 году). Я, нимало не затрудняясь, отвѣчалъ ему утвердительно, присовокупивъ къ тому, что только этого, т. е. семейнаго счастья недостаетъ ему въ жизни. По всему видно было, что онъ былъ очень близокъ къ рѣшимости сдѣлать предложеніе дѣвицѣ Коблѣ,—и едвали уже не сдѣлалъ его,—ибо онъ тутъ же сдѣлалъ ей подарокъ въ 3 т. р. асс. Это былъ довольно богатый брилліантовый перстень, пожалован-

ный ему незадолго предъ тѣмъ императрицею Марією Ѳеодоровною, кажется, за консультацію во время болѣзни императрицы Александры Ѳеодоровны. Но это сватовство тѣмъ и окончилось;— ибо когда мы уѣхали на конгрессъ за границу, бар. Вилліе совершенно забылъ о своей невѣстѣ, которая впослѣдствіи вышла за маркиза Паулуччи, бывшаго потомъ военнымъ губернаторомъ Ост-зейскихъ губерній, котораго она однако-жъ скоро совсѣмъ оставила.

8 августа, послѣ обѣда, оставивъ Вознесенскъ, государь изволилъ отправиться въ гор. Умань, Кіевской губерніи, куда прибылъ 10 августа. Умань составлялъ центръ обширнѣйшаго имѣнія графа Потоцкаго, близъ котораго этотъ вельможа, въ честь и память своей жены, устроилъ превосходный садъ и паркъ, называемый Софіевкою. Въ этомъ превосходномъ мѣстѣ, въ приѣздѣ государя приготовленъ былъ праздникъ и иллюминація. Освѣщеніе аллей, огромныхъ каскадовъ и высокихъ фонтановъ, и прелестное мѣстоположеніе дѣлало этотъ праздникъ самымъ замѣчательнымъ. Всѣ въ Софіевѣ постройки отдѣланы самою роскошною рукою. Мнѣ связывалъ докторъ Абрагамсонъ, состоявшій при этомъ имѣніи, что устройство этого мѣста графу Потоцкому стоить 6 милліоновъ рублей ассигнаціями. Нынѣ Софіевка поступила въ казну и носитъ названіе Царицына Сада.

Здѣсь, въ бар. Вилліе явился докторъ И. Семеновичъ Орлай, носившій званіе придворнаго медика, и бывшій ученымъ секретаремъ конференціи императорской медико-хирургической академіи. Вилліе принялъ его страннымъ образомъ; вмѣсто приличнаго обращенія съ этимъ ученымъ и замѣчательнымъ мужемъ, онъ осыпалъ его сарказмами, которые даже и для меня показались очень обидными! Бар. Вилліе скоро долженъ былъ слѣдовать за государемъ, а я имѣлъ нѣкоторое время пробыть съ докторомъ Орлаемъ, коему я уже былъ извѣстенъ, по моему участию въ составленіи полевой военной фармакопей, когда я еще былъ студентомъ академіи. Докторъ Орлай былъ примѣрной нравственности и очень религіозенъ. Оставшись со мною наединѣ, въ теченіи цѣлаго часу, онъ сообщилъ мнѣ самое подробное описаніе качествъ моего начальника. Это произвело во мнѣ самое печальное впечатлѣніе насчетъ моего настоящаго

положенія. Это замѣтилъ и самъ докторъ Орлай, и какъ умный и нравственный человѣкъ, не хотѣлъ оставить меня безъ наставленія и совѣта, которые были для меня весьма назидательны. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «для васъ—молодаго и только что начавшаго поприще врача—тѣмъ болѣе чести и заслугъ, если вы успѣете оправдать свое назначеніе при такомъ начальникѣ точнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей и похвальнымъ поведеніемъ. Надѣюсь, что вамъ Богъ поможетъ успѣть въ этомъ, игнѣйте на него полную надежду!»

Государь изволилъ прибыть въ Варшаву 15 августа ввечеру. Въ Пулавѣ, 14 августа, на ночлегѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу его императорское высочество цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Съ нимъ государь въ одной коляскѣ вѣхалъ въ Варшаву и остановился въ королевскомъ дворцѣ, называемомъ Бургомъ, расположенномъ однимъ фасомъ на площадь Сигизмунда, а другимъ—на Вислу противъ Праги.

Комнаты бар. Вилліе были въ верхнемъ этажѣ дворца, окнами на Вислу;—подлѣ его помѣщенія о стѣну было мое помѣщеніе съ канцелярією, состоящею изъ одной, довольно обширной комнаты, которую я большими ширмами раздѣлилъ на двѣ. Такое близкое сосѣдство съ начальникомъ вскорѣ мнѣ очень не понравилось;—часто случалось, что ежечасные призывы его, или вовсе безъ надобности, или за дѣломъ, совсѣмъ ничтожнымъ, лишали меня возможности заняться дѣломъ серьезнымъ по службѣ, или принять къ себѣ кого-либо изъ товарищей или знакомыхъ. На мою бѣду бар. Вилліе въ это время занимался аглицкою газетою, въ коей помѣщался обширѣйшій и сложный процессъ развода аглицкою королевы съ царствовавшимъ тогда королемъ. Всякой разъ, какъ онъ окончитъ номеръ газеты, приглашалъ меня выслушать отъ него все прочитанное, что для меня особенно было скучно.

Въ Варшавѣ пребываніе государя было довольно продолжительно. До открытія сейма, его величество осматривалъ войска русскія и польскія, дѣлалъ маневры отдѣльно каждому и обоимъ войскамъ вмѣстѣ. Бар. Вилліе повелѣно было осмотрѣть военныя госпитали русскій и польскій, которые оба помѣщались въ бывшемъ Уздовскомъ дворцѣ. Дворецъ этотъ составляетъ обширное зданіе, которое очень удобно вполнѣдствіи принаров-

лено къ помѣщенію обоихъ госпиталей высшаго класса. Устройство ихъ не оставляетъ ничего желать, такъ что при подробнѣйшемъ и строгомъ осмотрѣ, они найдены въ отличномъ положеніи, какъ по медицинской, такъ и хозяйственной части.

Здѣсь мнѣ въ первый разъ представились всѣ трудности моей обязанности по управленію канцеляріею главнаго по арміи медицинскаго инспектора и президента академіи (бар. Вилліе вмѣстѣ былъ и президентъ императорской медико-хирургической академіи). Дѣлъ стекалось множество, нѣкоторыя изъ нихъ были сложны и особенной важности, требующей большой опытности и соображеній; — ни помощниковъ, ни совѣтниковъ нѣтъ. Не было даже писаря для переписки бумагъ набѣло и для веденія журналовъ по канцеляріи.... Ко всему этому представилась еще особенная трудность: начальникъ мой имѣлъ горькую для меня страсть—рѣшенія свои на нѣкоторыя бумаги диктовать или писать по-французски, и всегда поручалъ переводить это по-русски, для составленія исполнительныхъ бумагъ, особенно высшему начальству, и даже для доклада его императорскому величеству.....

Я былъ не довольно силенъ во французскомъ языкѣ, хотя французскія сочиненія я читалъ безъ затрудненія. Но французскій языкъ, на какомъ бар. Вилліе передавалъ мнѣ свои рѣшенія на служебныя бумаги и распоряженія на службѣ,—едва былъ доступенъ моему понятію, особенно въ самомъ началѣ, такъ что я часто вынужденъ былъ прибѣгать къ догадкамъ, соображаясь съ сущностію дѣла. Но это не всегда было достаточно; ибо бар. Вилліе иногда желалъ, чтобъ въ бумагахъ была изложена его собственная мысль любимыми для него выраженіями. Это послѣднее обстоятельство, въ теченіе нѣкотораго времени, составляло для меня камень преткновенія дотолѣ, пока я могъ ознакомиться вороче съ служебнымъ характеромъ и нѣкоторыми отношеніями моего начальника. Между тѣмъ, пока я успѣлъ достигнуть этого, нерѣдко случалось, что, при неутомимыхъ постоянныхъ трудахъ, я упадалъ духомъ, не находя ни отъ кого ни совѣта, ни помощи.

Сеймъ въ Варшавѣ продолжался до октября; несогласія въ сужденіяхъ представителей и депутатовъ, доходившія нерѣдко на сеймъ до раздора, крайне были неприятны императору. Для

соглашенія противныхъ сторонъ и для принятія вѣрнѣйшихъ мѣръ къ упроченію благосостоянія Царства Польскаго, его величество изволилъ употреблять съ своей стороны г. Новосильцова и статсъ-секретаря Царства Польскаго графа Соболевскаго. Наконецъ государь изволилъ повелѣть сеймъ закрыть. Назначенъ былъ день для торжественнаго и окончательнаго собранія сейма, на которое въ назначенный часъ его величество, въ полномъ польскомъ мундирѣ, изволилъ присутствовать. Когда государь императоръ изволилъ взойти на тронъ, повсюду водворилась тишина и какое-то особенное чувство благоговѣнія къ его августѣйшей особѣ. Поистинѣ, нельзя было безъ особеннаго чувства умиленія въ то время видѣть его величество. Въ лицѣ его выражалось величіе неземное, мудрость, правда и милость!

На тронѣ государь изволилъ стоять въ обычной своей, ему исключительно одному принадлежащей позѣ. Онъ былъ великъ!! Съ трона онъ произнесъ ту знаменитую рѣчь къ представителямъ царства, которая въ исторіи должна занять почетное мѣсто между великими дѣянiями, коими ознаменовано его царствованіе. Рѣчь эта, на французскомъ языкѣ, хранится между моими бумагами. Она была произнесена на французскомъ языкѣ; а по прочтеніи статсъ-секретарь Царства Польскаго прочелъ ее на польскомъ языкѣ. Я замѣтилъ, что рѣчь эта произвела во всѣхъ присутствовавшихъ живѣйшее впечатлѣніе, а бывшія на хорахъ дамы до такой степени были тронуты, что всѣ плавали отъ умиленія. Подобной торжественности и величія государя я богѣ не имѣлъ счастья видѣть во всю жизнь мою!!!...

Съ закрытіемъ сейма, въ Варшавѣ, вдругъ разнесся слухъ о конгрессѣ, для коего назначено мѣсто въ Богеміи, въ городѣ Тронпау, которой расположенъ вблизи границъ — польской, прусской и австрійской. Поводомъ къ этому конгрессу были смуты въ Италіи, производимыя партіями карбонаріевъ. Смуты эти имѣли важное политическое значеніе, и для подавленія ихъ требовались энергическія мѣры со стороны государствъ, составлявшихъ священный союзъ (*sainte alliance*).

Въ октябрѣ 17-го дня 1820 г. государь изволилъ оставить Варшаву, и отправился въ Тронпау со всею своею свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Путешествіе продолжалось благополучно и

недолго; на третій день государь и вся свита прибыли въ этотъ уединенный, но довольно значительный городъ, расположенный въ долину между Богемскими горами. Городъ по себѣ не заключаетъ ничего особеннаго, но окрестности его очаровательны. Вблизи Троппау много помѣстій и превосходно устроенныхъ мызъ, принадлежащихъ аристократическимъ древнимъ австрійскимъ фамиліямъ. Наилучшая и замѣчательнѣйшая изъ нихъ была мыза графа Лихновскаго, куда направлялись почти ежедневныя прогулки всѣхъ, составляющихъ свиту его величества, и дипломатическій корпусъ. Всорѣ по прибытіи государя, приѣхали для свиданія съ его величествомъ великая княгиня Марія Павловна и великій князь Николай Павловичъ.

Государь любилъ прогуливаться съ августѣйшею своею сестрою и братомъ. А какъ въ городѣ не было тротуаровъ и мостовыя очень негладки, то, по особенному распоряженію австрійскаго правительства, городское начальство нарочито устроило за городомъ, на довольно значительномъ пространствѣ, досчатый тротуаръ или помость, для прогулокъ государя. Его величество всегда избѣгивалъ гулять, ведя подъ руку Марію Павловну, а Николай Павловичъ всегда слѣдовалъ за ними одинъ.

Во время конгресса въ Троппау, охота въ окрестныхъ мызахъ до того сдѣлалась общею, что даже я, небывши никогда охотникомъ, и несмотря на трудныя занятія по службѣ, многократно участвовалъ въ охотѣ. Бар. Вилліе, не знаю почему, открылъ во мнѣ особенную къ охотѣ способность, и чтобы довести оную до настоящаго развитія, обѣщавъ подарить мнѣ одно изъ своихъ ружей. Разумѣется, способность эта осталась во мнѣ неразвитою.....

Въ Троппау мнѣ назначена была квартира у городского доктора, помѣщавшагося въ зданіи городской больницы. Я скоро съ нимъ познакомился и часто посѣщавъ съ нимъ больничныя палаты, гдѣ нерѣдко случались довольно важныя и занимательныя болѣзни. Въ то время (1820 г.) только что начиналъ входить во врачебное употребленіе іодъ; — мнѣ случалось неоднократно наблюдать успѣшное его дѣйствіе противу зоба, у молодыхъ субъектовъ и неслишкомъ застарѣвшаго.

Въ Троппау насъ застигла зима и морозы доходили до 10° по Р. У меня не было совсѣмъ теплаго платья, да и денегъ было

очень немного. Таковое мое положеніе доведено было до высочайшаго свѣдѣнія, и его величество изволилъ повелѣть, купить для меня хорошую енотовую шубу, которая, какъ памятникъ монаршей милости, сохранялась мною слишкомъ 30-ть лѣтъ.

Въ самомъ началѣ декабря 1820 г. изъ Петербурга курьеръ привезъ печальную вѣсть о безпорядкахъ, происшедшихъ лейбъ-гвардіи въ семеновскомъ полку. Вѣсть эта хранилась въ самой строгой тайнѣ. Государь два дня неизволилъ выходить на прогулку; въ канцеляріи начальника главнаго штаба работали день и ночь; и чрезъ два дня того же курьера отправилъ князь Волконскій обратно въ Петербургъ.

Около половины декабря объявлено намъ было, что его величество изволилъ скоро отправиться въ Вѣну, а оттуда на конгрессъ въ Штирію, въ гор. Лайбахъ. Ихъ высочества, Марія Павловна и Николай Павловичъ выѣхали изъ Троппау прежде, — а на другой день и государь отправиться изволилъ въ Вѣну. Зима была не хуже русской; въ дорогѣ насъ сопровождали морозы и вьюга, и дорога чрезъ Богемскія горы, по этой причинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была не безопасна.

Мы приѣхали въ Вѣну при 17° морозу. Государь императоръ изволилъ остановиться въ Бургѣ, т.-е. императорскомъ дворцѣ, а для насъ отведены были квартиры вблизи Бурга. Парадной встрѣчи для нашего государя не было. Въ Вѣнѣ мы пробыли всего трое сутокъ. Мнѣ однакожъ удалось быть въ императорскомъ театрѣ и слышать знаменитую уже и въ то время (1820 году) пѣвицу Пасту. Къ бар. Вилліе въ то время явился путешествовавшій за границую русской докторъ Гаммель, которой мнѣ доставилъ случай осмотрѣть всѣ вѣнскіе госпитали, терапевтическую, хирургическую и окулистическую клиники, университетъ и іозефинскую академію и ея знаменитый анатомическій кабинетъ, состоящій изъ превосходныхъ восковыхъ препаратовъ. При этомъ я познакомился съ профессорами: Кернеромъ, завѣдывавшимъ хирургическою клинкою, Егеромъ, управлявшимъ, по смерти Бери, окулистическою клинкою; — у него я въ первый разъ видѣлъ египетское воспаленіе глазъ въ полномъ его развитіи, — и при мнѣ произведена была операція катаракты. Сверхъ того докторъ Гаммель познакомилъ меня съ профессоромъ физиологіи Лессекомъ, и акушерства Гартманомъ.

Изъ Вѣны государь императоръ изволилъ отправиться прямо въ гор. Лайбахъ, въ Штиріи, куда прибыла и вся свита его величества 27 декабря 1820 года.

Въ городѣ два монастыря, женскій и мужской, гражданскій и военный госпиталь, главная гимназія, духовная семинарія и бискупскій домъ. Послѣдній составляетъ наилучшее строеніе въ городѣ, а потому и назначенъ былъ для резиденціи нашего императора; въ томъ же домѣ помѣщались князь Волконскій, баронетъ Вилліе, князь Меншиковъ съ канцеляріею начальника главнаго штаба его императорскаго величества и всѣ придворныя службы. Въ лучшемъ залѣ этого дома была расположена военно-походная церковь. Для служенія въ церкви вытребованъ былъ изъ Венгріи іеромонахъ Геннадій съ 4-мя пѣвчими, которыми управлялъ придворный пѣвчій Берлинскій.

Вслѣдъ за нашимъ императоромъ, прибылъ въ Лайбахъ и австрійскій императоръ Францъ I, съ своею фамиліею, свитою и дипломатическимъ корпусомъ. Вскорѣ прибыли дипломаты и прочіе европейскіе дворы.

Во время конгресса гарнизонъ Лайбаха составлялъ пѣхотный полкъ, состоящій весь изъ однихъ кроатовъ, которые были православнаго исповѣданія, — кромѣ офицеровъ. Сіи послѣдніе были австрійцы и католики.

Вскорѣ по открытіи конференцій дипломатовъ, императоръ съ особеннымъ важнымъ порученіемъ послалъ генераль-адъютанта Чернышева въ Мюнхенъ. На обратномъ оттуда пути, въ горахъ близъ гор. Сентъ-Мишель, опрокинулась его коляска и при этомъ паденіи онъ получилъ сильный ушибъ въ грудь съ переломомъ лѣвой ключицы — на плечевой ея половинѣ. По полученіи о семъ извѣстія, я чрезъ князя Волконскаго получилъ высочайшее повелѣніе, немедленно отправиться на встрѣчу къ А. И. Чернышеву; — но когда приѣхалъ отъ генераль-адъютанта Чернышева курьеръ, то государю благоугодно было повелѣть, ѣхать немедленно бар. Вилліе, для поданія ему первоначальной помощи и безопаснаго доставленія его въ Лайбахъ. Чрезъ два дни бар. Вилліе возвратился съ генер. Чернышевымъ, коему мы съ бар. Вилліе дѣлали первую перевязку переломленной ключицы.

При наложеніи повязки, я чрезвычайно былъ встревоженъ, увидѣвъ мѣсто перелома и около лежащія части, которыя покрыты

были опухолью синебагроваго цвѣта. Самое мѣсто перелома обозначалось ссадиною, изъ коей просачивалась сукровица; а разъединенные концы ключицы явственно ощущались подъ пальцемъ на мѣстѣ ссадины. Вообще поврежденіе представлялось весьма важнымъ и почти не обѣщало благопріятнаго исхода.

Обмывши тщательно мѣсто перелома и сдѣлавъ со всею осторожностію соединеніе концовъ ключицы, покрыли его компрессомъ, смоченнымъ fomento minerali acido и наложили повязку Дезольта съ измѣненіями, каковыхъ требовала важность поврежденія.

Таковой необыкновенный видъ переломъ этотъ получилъ отъ слѣдующаго обстоятельства. Въ городѣ С. Мишель къ генераль-адъютанту Чернышеву призваны были два медика, которые, принявъ это поврежденіе за вывихъ лѣваго плеча, производили вытягиваніе лѣвой руки самымъ грубымъ образомъ. Черезъ повторенные приемы таковаго вытягиванія, концы переломленной ключицы, расходясь многократно въ разныхъ направленіяхъ, произвели столь важное разстройство въ покрывающихъ ключицу мягкихъ частяхъ.

На другой день вечеру оказалось у больнаго сильное воспаленіе подреберной плевры на лѣвой сторонѣ груди. Это неблагоприятное осложненіе столь важнаго поврежденія потребовало обильнаго кровопусканія и измѣненія въ повязочномъ аппаратѣ, стѣснявшемъ свободное дыханіе. Больной находился нѣсколько дней въ опасномъ положеніи; — я при немъ находился почти неотходно слишкомъ мѣсяцъ, и несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, генераль-адъютантъ Чернышевъ совершенно выздоровѣлъ и переломъ ключицы сросся, только неровно, такъ что грудной конецъ перелома нѣсколько выстоитъ внаружи. Эту неровность сращенія ключицы, для отвращенія давленія отъ помочей, я присовѣтовалъ постоянно покрывать мягкой подушечкою изъ ваты.

Государь императоръ въ положеніи ген.-адъют. Чернышева изволилъ принимать живѣйшее участіе, посѣщалъ его очень часто и по выздоровленіи его изволилъ оказать полное свое благоволеніе бар. Вилліе и мнѣ.

На этомъ конгрессѣ, въ числѣ нашихъ дипломатовъ былъ графъ Каподистриа. Съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ я имѣлъ случай близко познакомиться, по случаю его болѣзни.

Онъ со мною всегда говорилъ по-латыни, и столько былъ ко мнѣ благосклоненъ, что ознакомилъ меня отчасти съ своею біографіею. Онъ былъ грекъ, уроженецъ изъ Корфу, выслушалъ полный курсъ медицины и получилъ степень доктора. Въ Россію онъ прибылъ съ адмираломъ Сенавинымъ (какъ мнѣ помнится) и вступилъ на дипломатическое поприще. Я всегда съ особливѣмъ наслажденіемъ слушалъ глубокомысленныя сужденія его о разныхъ предметахъ. Доселѣ я твердо удержалъ въ памяти разговоръ его съ княземъ Лубецкимъ-Друцкимъ, о весьма остроумномъ примѣненіи или сравненіи государственнаго правленія съ процессомъ жизни въ человѣческомъ организмѣ. Разговоръ этотъ имѣлъ соотношеніе съ возникшими въ то время политическими переворотами.

Въ это время получено въ Лайбахѣ извѣстіе о возстаніи Греціи противъ турецкаго правительства, начатомъ княземъ Ипсилантиемъ, который немедленно былъ исключенъ изъ російской службы.

Графъ Каподистріа во время Лайбахскаго конгресса получилъ увольненіе и, какъ было слышно, отправился въ Швейцарію.

Въ продолженіи дипломатическихъ конференцій, вдругъ разнесся слухъ объ итальянской войнѣ,—въ коей должна участвовать и російская армія. Въ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго величества началась необыкновенная дѣятельность. Бар. Вилліе, какъ главный по арміи медицинскій инспекторъ, по вѣренной ему части получилъ высочайшее повелѣніе, о сдѣланіи скорѣйшихъ распоряженій по части медицинской, по случаю движенія арміи. Занимаясь со мною непрерывно, въ продолженіи 24 часовъ, онъ выполнилъ высочайшее повелѣніе, и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ донесъ князю Волконскому для доклада государю, которой изволилъ остаться ими доволенъ.

Вскорѣ за симъ начали проходить черезъ Лайбахъ полки австрійской арміи;—главнокомандующимъ російскою дѣйствующею арміею назначенъ былъ генералъ Ермоловъ, которой не замедилъ прибыть въ Лайбахъ, потомъ прибыли: баронъ Дибичъ, генералъ Нейдгардтъ, генералъ-интендантъ Канеринъ

и нѣсколько штабъ-офицеровъ, долженствующихъ войти въ составъ главнаго штаба дѣйствующей арміи.

По крайнему недостатку чиновниковъ въ канцеляріи начальника главнаго штаба его императорскаго величества, князь А. С. Меншиковъ, съ согласія бар. Вилліе, пригласилъ меня заниматься при немъ военно-походными дѣлами, которыя требовали усиленныхъ трудовъ.

Около половины апрѣля (1821 г.), вопросъ объ объявленной войнѣ, чрезъ ежедневныя дипломатическія конференціи, былъ разрѣшенъ благопріятно, и государь императоръ изволилъ повелѣть, остановить дальнѣйшее движеніе авангарда нашей арміи, которой въ то время уже приближался къ границамъ Галиціи.

Такимъ образомъ, Лайбахскій конгрессъ окончился, и 1 мая 1821 г. государь императоръ изволилъ оставить Лайбахъ и отправиться въ Венгрію, минуя Вѣну.

Кроаты, составлявшіе во время конгресса гарнизонъ въ Лайбахѣ, всѣ были православнаго исповѣданія, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ. Передъ самымъ праздникомъ пасхи, чрезъ свое начальство, гарнизонъ этотъ просилъ позволенія, чрезъ князя Волконскаго, отпраздновать пасху въ походной церкви вмѣстѣ съ нами. По докладѣ о семъ императору, его величество изволилъ изъявить на это свое соизволеніе и повелѣлъ, чтобъ къ дню пасхи походная церковь расположена была въ другомъ, обширнѣйшемъ залѣ. Въ великую субботу въ ночи, за часъ до начала службы, значительная часть гарнизона введена была въ залъ, занимаемый церковью и въ другой, прилежащій оному. Ровно въ 12 часовъ ночи императоръ со свитою изволилъ выдти парадно въ церковь и занялъ мѣсто подлѣ праваго клироса. Такъ онъ обыкновенно всегда становился въ церкви, ибо любилъ пѣть церковное служеніе вмѣстѣ съ пѣвчими—своимъ весьма пріятнымъ баритономъ.

Когда іеромонахъ Геннадій провозгласилъ Христосъ Воскресе и проч.,—то вмѣстѣ съ пѣвчими начали пѣть и всѣ бывшіе въ церкви кроаты различными своими голосами, впрочемъ довольно согласно съ нашими пѣвчими. Только въ началѣ это всеобщее, совсѣмъ неожиданное пѣніе всѣхъ насъ очень удивило и даже обратило вниманіе нашего государя. Напѣвъ и произво-

шеніе совершенно были одинаковы съ нашими, и даже самый канонъ пасхи пѣли почти всѣ кроаты. Нельзя было не замѣтить ихъ всеобщаго и единодушнаго восторга отъ соединенія съ нами, а особенно съ нашимъ императоромъ, въ православной церкви нашей!!...

По окончаніи заутрени государь изволил христосоваться со всею своею свитою, а равно и со всѣми кроатами; — а послѣ обѣдни, по повелѣнію императора, всѣ кроаты разгавливались во дворцѣ вмѣстѣ съ нашими русскими. Это произвело неописанной энтузіазмъ и особенную любовь и преданность къ нашему великому императору во всемъ гарнизонѣ, такъ что австрійскіе военные начальники замѣчали это очень неравнодушно.

Быль слухъ, что и самому австрійскому правительству несо-всѣмъ было пріятно, что нашему императору благоугодно было предпринять обратное свое путешествіе не чрезъ Вѣну, а чрезъ славянскія народонаселенія въ гор. Офень, въ Венгріи. *)

По выѣздѣ изъ Лайбаха, 1-го мая, въ четвертой день, т. е. 4-го мая, государь прибыль ввечеру въ Буду, прямо въ дворецъ палатинуса, который встрѣтилъ его величество съ военною церемонією.

Проѣзжая славянскими племенами, мы могли кое-какъ объясняться съ жителями, говорящими на близкомъ къ нашему языку; но когда вѣхали въ Венгрію, на первой станціи встрѣтилось большое затрудненіе въ объясненіяхъ. По-венгерски у насъ въ свитѣ никто непонималъ ни слова. Полковникъ Михайловъ, платившій прогоны, на первой станціи сталъ въ тупикъ. Къ счастью, мы узнали, что служащіе чиновники въ Венгріи всѣ говорятъ по-латыни; здѣсь всѣхъ выручило мое знаніе латинскаго языка. Я немедленно обратился съ латинскимъ комплиментомъ въ смотрителю почтъ, съ коимъ и предстояло имѣть сношеніе. Не менѣе меня и онъ былъ обрадованъ, что встрѣтилъ лицо, могущее съ нимъ свободно объясняться. Такимъ образомъ, втеченіи всего путешествія по Венгріи, до самыхъ границъ Галиціи, во всей свитѣ я былъ общимъ переводчикомъ при сношеніяхъ съ жителями.

Народъ венгерскій отличается отъ племенъ славянскихъ сво-

*) О пребываніи императора Александра Павловича въ Угорской Руси въ 1821 г. смотр. въ «Русской Старинѣ» т. IV, стр. 92—95.

ею наружностію и характеромъ. Это есть особенное племя, отчасти похожее на нашихъ малороссовъ, но превосходить сихъ послѣднихъ крѣпостію физическихъ силъ и дѣятельностію. За мѣчательна наружность поселянъ; они носятъ длинные волосы, которые они смазываютъ очень роскошно простымъ саломъ, такъ что отъ этого замѣчается большая неопрятность въ наружномъ ихъ платьѣ, состоящемъ изъ короткой блузы и очень широкихъ шараваровъ. Поля у нихъ вообще обрабатываются хорошо; но проѣзжая болѣею частію проселочными дорогами, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчали бѣдность жителей чрезвычайную. Женщины одѣваются, подобно нашимъ малороссіянкамъ, но только не такъ опрятно.

Въ Оффенѣ государь изволилъ пробить два дня и отправился съ палатинусомъ на гробъ августѣйшей своей сестры, надъ которымъ построена греко-россійская церковь, и постоянно находятся для служенія іеромонахъ и четверо пѣвчихъ. Въ Оффенѣ я имѣлъ благопріятный случай осмотрѣть: военный и гражданскій госпитали, обсерваторію и университетъ. Послѣдній особенно для меня былъ замѣчательнъ по своему, весьма удобному въ Пестѣ устройству, богатымъ кабинетомъ и музеуму, и обмундировкѣ професоровъ, которые принимали высокаго посѣтителя — нашего государя, всѣ въ богатыхъ гусарскихъ мундирахъ. Въ Оффенѣ Дунай уже дѣлается большою рѣкою и составляетъ превосходное украшеніе города.

Здѣсь въ первый разъ я ознакомился съ настоящимъ венгерскимъ токайскимъ виномъ. Оно и въ самой Венгріи цѣнится весьма высоко, и вовсе не походитъ на продаваемое у насъ, подъ этимъ названіемъ, вино. Оно цвѣта золотисто-соломеннаго, очень густо, весьма ароматно и удивительно пріятнаго вкуса. Каждому изъ насъ, свитскихъ, каждое утро, на цѣлые сутки, отпускалась порція этого вина, не болѣе трехъ среднихъ рюмокъ, независимо отъ винъ прочихъ сортовъ. 23-го мая 1821 г. императоръ изволилъ прибыть на ночлегъ въ Царское Село.

(Продолженіе слѣдуетъ).